

Если даже в этом и в других приведенных Т. С. Каухчишвили местах подразумевать под λαοί войнов, то это еще не значит, что слово λαός специально употребляется в значении «войско». Несомненно, что во всех приведенных ею местах слово это обозначает просто «народ», без всякого специального значения.

То же самое относится и ко второму значению данного слова: «переселенцы». Так, например, в «Географии», XIV, 1, 3: «Потом же Филола привел народ (λαόν) из Фив» (стр. 49), а также в ряде других случаев речь идет о переселенцах, и поэтому, по мнению Т. С. Каухчишвили, второе значение слова λαός есть именно «переселенцы».

Думаем, что это не так. Возьмем такое произвольное русское предложение: «На берегу жил народ, переселившийся с островов». Здесь речь идет о переселении, однако мы же не можем по смысловому значению фразы утверждать, что по-русски слово «народ» имеет значение термина «переселенцы».

Поэтому мы не можем согласиться с автором и в понимании четвертого «геноса» населения Иберии как переселенцев. По мнению Т. С. Каухчишвили, в интересующем нас месте (XI, 3, б) слово λαός имеет именно это значение (стр. 50).

Поскольку в описании Иберии Страбон дает характеристику определенных категорий населения, слово λαός, выражающее обычно общее понятие «народ», должно служить здесь определенным техническим термином, содержащим специальный смысл. Нам кажется, что Страбон под четвертым «геносом» подразумевает ту категорию населения Иберии, которая по своему правовому и экономическому положению напоминала ему «лаой» эллинистической Малой Азии, т. е. полузависимых земледельцев-общинников. Этим и следует объяснить применение этого термина в данном контексте. Таким образом, под «λαός» в Иберии следует понимать свободных (или полусвободных) земледельцев-общинников, обрабатывающих, по всей вероятности, царские земли. Какова в действительности степень их сходства с малоазийскими «лаой», следует еще выяснить, но видеть в них «переселенцев» мы не имеем никакого основания.

Указатели (именной, этнический и географический), которыми Т. С. Каухчишвили снабдила свою работу, являются фактически комментариями к тексту и имеют, несомненно, большую ценность. Более подробно автор комментирует сведения, касающиеся непосредственно Грузии или ее ближайших соседей. Остальные сведения объясняются лишь вкратце. Большинство статей, которые касаются сведений Страбона о Грузии, содержат краткое, но в основном исчерпывающее объяснение. Хочется лишь отметить, что автор не всегда указывает исследования, имеющие действительное значение для выяснения того или иного вопроса, и называет второстепенные работы (например, работу П. Ингорква «Георгий Мерчуле — грузинский историк X в.», которая в части, касающейся сведений античных авторов о Западной Грузии, не может считаться сколько-нибудь серьезным исследованием, содержит множество искажений источников и несомненных ошибок).

Указанные в нашей рецензии недостатки не могут серьезно умалить значения работы Т. С. Каухчишвили, которая, несомненно, станет одним из самых нужных пособий при изучении истории древней Грузии. Остается лишь пожелать появления подобных исследований о других античных авторах, писавших о Грузии.

Н. Ломоури

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ГРЕЦИИ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ В УЧЕНЫХ ЗАПИСКАХ УНИВЕРСИТЕТОВ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

За последние годы в Ученых записках и трудах различных педагогических институтов и университетов появился ряд статей, разрабатывающих вопросы истории Греции и эллинистических государств. Проблематика этих статей отражает в какой-то мере развитие исследований по истории Греции и эллинизма в ВУЗ'ах нашей страны.

Больше всего статей посвящено классическому периоду истории Греции, но не только Афинам, история которых исследована наиболее полно, а и менее изученным областям античного мира (Македония, Сицилия). Были опубликованы также статьи, касающиеся истории минойско-микенского периода, ранней Греции, эллинизма, историографии античности, работы по классической филологии. Усиление интереса к областям и периодам, прежде недостаточно исследовавшимся, является благоприятным фактором в развитии нашей науки об античности, и нужно надеяться, что в дальнейшем статьи, трактующие эти вопросы, будут представлены еще более широко.

Основное внимание авторы большинства статей уделяют политической истории и — хотя и в меньшей степени — социальной борьбе. Отдельные статьи, о которых будет сказано ниже, освещают вопросы экономического развития, но их, к сожалению, еще очень мало. Все еще недостаточно разрабатываются проблемы, связанные с особенностями рабовладения и землевладения, положением рабов и различных групп зависимого населения в Греции и эллинистических государствах.

Проблемы минойско-микенской эпохи трактует интересная статья К. М. Колобовой: «К вопросу о минойско-микенском Родосе и проблема „переходного“ периода в Эгеиде (1110—900 гг. до н. э.)»¹. Статья состоит из двух частей. В первой части на основании данных последних раскопок характеризуется минойско-микенская эпоха на Родосе; во второй, большей по размеру, части статьи разбираются особенности так называемого «переходного» периода, наступившего вследствие завоевания дорийцев. Родос был важным пунктом на торговом пути, ведшем с Крита и из Пелопоннеса в Малую и Переднюю Азию. Во II тысячелетии Родос был не только торговым посредником, но и центром местного ремесленного производства. К. М. Колобова специально рассматривает памятники минойско-микенского Родоса. Она предполагает, что после вторжения ок. 1500 г. ахейцев на Крит часть населения кносского дворца переселилась на Родос, с чем связана постройка в Ялисе первого дворца (всего в Ялисе открыто три дворца) минойского типа (стр. 25). Около 1400 г. на Родос вторгаются ахейцы. Ялис, по мнению автора, был центром административного правления острова. К. М. Колобова отмечает очень интересный факт: третий ялиский дворец был оставлен его обитателями еще до вторжения дорийцев. «По-видимому, — пишет автор, — приближение дорийских военных дружин было известно местному населению заранее» (стр. 28). Единственным местом, куда могли выселиться обитатели дворца, был остров Кипр.

В начале второй части статьи рассматриваются условия завоевания Крита дорийцами, поскольку постановка вопроса о Крите может пролить свет и на завоевание тех островов, с которыми у Крита существовала тесная экономическая и политическая связь. В качестве конкретного примера К. М. Колобова характеризует поселение в Карфи, как раз относящееся к переходному периоду (1110—900 гг. до н. э.). Карфи представляло собой военно-земледельческое поселение местного населения. По мнению К. М. Колобовой, создание крепости в Карфи свидетельствует о состоянии войны с дорийцами (стр. 38). На рубеже X—IX вв. население Карфи добровольно покинуло свое убежище. К. М. Колобова останавливается на двух существенных проблемах переходного периода: сосуществования кремации и захоронений и проблеме скрещивания языков. По мнению К. М. Колобовой, кремация связана с дорийцами. Случаи же кремации на Родосе и Крите до дорийского завоевания можно объяснить заимствованием из Малой Азии (стр. 41). Интересное объяснение дает К. М. Колобова распространению кремации в переходный период: дорийцы во время вторжения выпущены были сжигать своих покойников, чтобы не оставлять их тела на территории, захваченной врагом. Когда же длительная борьба дорийцев с местным населением была закончена, завоеватели смогли вернуться к старому обычаю труположения, которого они придерживались на старой родине (стр. 42).

Подробно останавливается К. М. Колобова на различных сторонах ассимиляции дорийцев с местным населением. Ряд данных говорит о совместной жизни дорийцев и местного населения в переходный период (в укрепленные районы бежала, в основ-

¹ УЗ ЛГУ, № 192, серия исторических наук, вып. 21, 1956, стр. 21 сл.

ном, звать — стр. 46). В «переходный» период происходят изменения в экономической жизни Крита. К. М. Колобова рассматривает развитие новой техники, подчеркивая распространение обработки железа (стр. 49).

Подводя итоги характеристики «переходного» периода, К. М. Колобова пишет: «Как нам кажется, экономическое и социальное содержание „переходного“ периода на Крите и заключалось в переходе от форм примитивного рабовладения к формам рабовладения более развитого (полисного), при сохранении на довольно долгий период черт более древней системы рабства» (стр. 50).

Важному и малоисследованному вопросу посвящена статья Л. М. Глускиной², раскрывающая новые стороны развития рабовладельческой экономики и характеризующая особенности одной из крупнейших храмовых общин античной Греции. В статье дается анализ экономической роли Дельф и причин создания Дельфийской амфикионии. Экономическое значение Дельф определялось тем, что Дельфы являлись центром кредитно-судных операций. Одной из важнейших причин создания амфикионии была необходимость обеспечения интересов торговли и обмена, потребность в наличии безопасного центра торговли, а затем и денежных операций (для безопасности торговли торговая площадь объявлялась под защитой бога, т. е. помещалась на территории храма). Удобное положение Дельф, которые были достаточно удалены от моря, чтобы быть недоступными для пиратских нападений, но все-таки не настолько далеко, чтобы туда нельзя было поладать людям, прибывшим морским путем, — способствовало тому, что Дельфы стали центром торговли. Автор статьи останавливается на ярмарках, которые происходили во время дельфийских празднеств. В VI — V вв. в Дельфийском храме развиваются крупные судные операции; Дельфы хранили вклады, причем, как показывает автор, дельфийское жречество было заинтересовано в привлечении вкладов и всячески этому способствовало. Л. М. Глускина разбирает взаимоотношения Дельфийского храма и членов амфикионии. В религиозных вопросах жречество было вполне самостоятельно, но в хозяйственных делах храма амфикионы выступали на первый план (стр. 160). Интересную характеристику дает автор городской общине Дельф (стр. 162—163). Эту общину трудно отделить от храма. Городская казна была тесно связана с храмовой. Жители Дельф были или непосредственно служителями храма, или занимались деятельностью, так или иначе с ним связанной (изготавливали священные предметы, были владельцами гостиниц для приезжающих в Дельфийский храм, арендовали храмовую землю).

Особенностями дельфийской экономики, по мнению автора, являлись замкнутый узкими рамками характер торговли, отсутствие в самих Дельфах развитого товарного производства, примитивный характер кредитно-судных операций, накопление больших сокровищ, лежавших мертвым капиталом и не пускавшихся в оборот. «Дельфийская экономика отражает, таким образом, — пишет в заключении своей статьи Л. М. Глускина, — ряд черт, типичных для рабовладельческого хозяйства древней Греции, сочетавшего товарное производство со значительными элементами натурального хозяйства» (стр. 165).

Роль ранней тирании в процессе формирования рабовладельческого государства рассматривает Р. А. Никольская в статье «Раннегреческая тирания»³. Первый раздел статьи посвящен разбору основных положений классиков марксизма-ленинизма о происхождении государства и его сущности. В конце этого раздела дается характеристика положения в Аттике после реформы Солона. Во втором разделе статьи автор останавливается на тирании Писистрата. Период тирании Писистрата Р. А. Никольская оценивает как переломный этап в развитии афинского государства в том смысле, что он обеспечил «окончательный перевес сил на сторону демоса и новой аристократии рабовладельческого типа» (стр. 473). Самого Писистрата Р. А. Никольская рассматри-

² Л. М. Г л у с к и н а, Дельфы как экономический центр древней Греции, УЗ Ленингр. гос. пед. ин-та, т. XVI, История. ф-т, вып. 2, 1956, стр. 146 сл.

³ УЗ Белорусского гос. ун-та им. В. И. Ленина, вып. 16, серия исторических наук, 1953, стр. 460 сл.

вает как представителя торгово-ремесленного слоя и в том факте, что Писистрат возглавил крестьянскую партию, видит свидетельство союза на данном этапе борьбы афинского демоса с новой аристократией (стр. 467). Мероприятия Писистрата после прихода его к власти, направленные на улучшение положения крестьян, Р. А. Никольская характеризует как мероприятия, вызванные общегосударственными интересами (вместе с общим повышением благосостояния народа богатело и крепло само государство).

Нам кажется, что в статье Р. А. Никольской недостаточно раскрыта роль крестьянства в возникновении тирании и не подчеркнуты противоречия между диакриями и паралиями. Это связано с тем, что Р. А. Никольская рассматривает всех свободных жителей Афин как один класс рабовладельцев. Она пишет, что после реформы Солона «...афинский демос превратился в часть рабовладельческого класса. Аттическое крестьянство начинало вести свое хозяйство при помощи рабов и, участвуя в народном собрании, принимало решения, исходя из интересов всего класса рабовладельцев». Между тем, кажется необходимым выделять в рабовладельческом обществе класс мелких свободных производителей (основную массу которого составляло крестьянство), без чего останется неясной вся острота социальной борьбы рабовладельческого общества и, в частности, античной Греции⁴.

Две статьи того же автора посвящены Афинам классического периода. В одной из них характеризуется государственное устройство Афин V—IV вв. до н. э.⁵ Целью статьи является исследование вопроса о классовом характере государственного устройства Афин; кроме того, автор касается также вопроса о прогрессивности афинской формы государства как наиболее передовой из всех существовавших в древности форм государственного устройства (стр. 5—6). Статья по существу представляет собой анализ второй части «Афинской политики» Аристотеля. Автор подробно описывает, привлекая некоторые дополнительные источники (Плутарх, Фукидид, Эсхин), функции органов государственного управления афинской республики: народного собрания, булэ, гелизи, различных коллегий. Однако это описание не всегда связано с основной целью статьи — с выяснением классового характера афинского государственного аппарата: перечисление функций тех или иных коллегий не сопровождается определенными историческими выводами. Мало использованы в статье речи афинских ораторов, в которых можно найти интересный материал по государственному устройству Афин. Почти не использован эпиграфический материал. В работе имеются некоторые неточности: на стр. 18 автор, разбирая роль булэ, пишет: «В связи с этим (т. е. с ролью Совета) существовала даже формула: „Совет и народ решили“, которой начинается текст некоторых дошедших в надписях постановлений народного собрания. Но, по-видимому, наиболее важные постановления принимались только от имени народа». Между тем, формулой «Совет и народ решили» начинаются не «некоторые» надписи, а большинство дошедших до нас декретов не только Афин, но и всех греческих городов, имевших подобное устройство. Среди афинских декретов действительно есть такие, в которых решения принимаются только от имени народа (ἐδοξε τῷ δήμῳ или δήμῳ Ἐπιφρατά); было бы интересно проследить, есть ли какое-нибудь принципиальное различие в содержании постановлений, начинающихся той или иной формулой (обе эти формулы применялись и в эллинистический период). Без такого анализа говорить, что наиболее важные постановления принимались только от имени народа, нет оснований. Не отмечено в статье, что булэ в некоторых случаях также могло принимать псефизмы⁶.

В другой, более ранней статье Р. А. Никольской освещается социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н. э.⁷ Эта борьба, по мнению автора, являлась

⁴ Ср. С. Л. У т ч е н к о, О классах и классовой структуре античного рабовладельческого общества, ВДИ, 1951, № 4, стр. 15—21.

⁵ Р. А. Н и к о л ь с к а я, Государственное устройство Афинской демократии, УЗ БГУ им. В. И. Ленина, вып. 30, серия исторических наук, 1956, стр. 3 сл.

⁶ См., например, A n d r o s i d e s, De mysteriis, 15.

⁷ Р. А. Н и к о л ь с к а я, Социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н. э., УЗ БГУ им. В. И. Ленина, вып. 23, серия исторических наук, 1955, стр. 185 сл.

проявлением несоответствия производственных отношений характеру производительных сил. Основное внимание уделено в статье политической обстановке установления тирании 411 г. и характеру этой тирании. Целью тирании автор считает лишение политической власти той части афинского гражданства, которая не была в состоянии участвовать в расходах, связанных с войной и управлением государством, но сама нуждалась в материальной помощи государства. Лишение афинского демоса политических прав означало для него также и потерю материальной помощи со стороны государства (стр. 193).

Однако, как и в предыдущей работе, основной тезис статьи не раскрыт на конкретном материале. Остается неясным, какие именно моменты в развитии производственных отношений и производительных сил вызвали к жизни эту тиранию и каким образом тирания 411 г., возникшая, как правильно отмечает автор, в условиях тяжелого военного и материального положения Афин, отражает именно несоответствие производственных отношений характеру производительных сил. Экономическое положение Афин и расстановка классовых сил обрисованы очень бегло. Может создаться впечатление, что тирания 411 г. была установлена только благодаря террору: «При помощи подобных террористических методов (т. е. убийства несогласных с ними), — пишет автор, — заговорщикам удалось настолько деморализовать и дезорганизовать афинский демос, что ни о каком отпоре заговору в Афинах и речи быть не могло» (стр. 194). Статья кончается обзором событий сентября 411 г., когда власть была передана пяти тысячам афинских граждан.

Одной из немногих источниковедческих работ по истории Афин, вышедших за последние годы, является статья Э. Д. Фролова, посвященная анализу трактата Ксенофонта об управлении хозяйством⁸. На основании этого анализа выясняются экономические взгляды Ксенофонта, которые, по мнению автора, служат «отражением тех существенных социальных изменений, которые претерпевало греческое общество во второй половине V — первой половине IV в.» (стр. 87). Э. Д. Фролов приходит к выводу, что взгляды Ксенофонта выражали исключительно интересы социальной группы частных земельных собственников. Отрицательное отношение Ксенофонта к занятию ремеслом и торговлей отражает существенные противоречия, которые имели место между двумя различными группами крупнособственных слоев греческого общества — землевладельческой и торгово-промышленной (стр. 80). Следует отметить, что не все формулировки автора достаточно четки. Так, он пишет, что в условиях концентрации земельной собственности и разорения мелких производителей открывался все больший простор для частной предпринимательской деятельности, «активность которой выростала по мере того, как отмирали ограничения, накладывавшиеся на нее полисом» (стр. 57). Неясно, какие именно ограничения, накладываемые полисом на предпринимательскую деятельность землевладельцев (ведь Ксенофонт имеет в виду именно этот слой, как подчеркивает сам автор), отмирали во времена Ксенофонта, тем более, что в области сельского хозяйства п р е д п р и н и м а т е л ь с к а я деятельность в античной Греции проявлялась меньше всего.

Помимо анализа экономических взглядов Ксенофонта, автор рассматривает также применение им различных социальных терминов. В этом отношении интересны наблюдения над применением Ксенофонтом терминов, обозначающих рабов, и слова *εργάται* (стр. 76—79).

Ряд статей в Ученых записках посвящен истории Македонии. В трех статьях А. С. Шофмаца рассматриваются вопросы политической истории Македонии на протяжении V в. до н. э. В одной из них автор характеризует позицию Македонии во время греко-персидских войн⁹. Статья начинается с краткого очерка истории Македонии до V в. до н. э. и процесса ее объединения. Нижнемакедонские племена, как указывает автор, стремившиеся к объединению, прибегали к помощи внешней силы. Такой внеш-

⁸ Э. Д. Фролов, Экономические взгляды Ксенофонта, УЗ ЛГУ, № 192, серия исторических наук, вып. 21, 1956, стр. 53 сл.

⁹ А. С. Шофмац, Греко-персидские войны и Македония, УЗ Казанского гос. университета им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 116, кн. 1, 1956, стр. 273 сл.

ней силой была для них Персия. Разбирая данные Геродота, А. С. Шофман приходит к выводу об известной заинтересованности самих македонских царей в персидском господстве на севере (стр. 274), так как македонские цари использовали связь с Персией во вновь присоединенных областях. Кажется очевидным, что Македония использовала в своих целях борьбу Персии и греческих полисов, но, по-видимому, ее позиция была более противоречивой, чем представляется А. С. Шофману. Нельзя так легко, как это делает автор, отметить свидетельство Геродота об избииении персов Александром I как легенду, выдуманную для того, чтобы показать, что македоняне и по происхождению и по духу — настоящие греки. Вряд ли подобные мотивы могли проникнуть в произведение Геродота. Плутарх даже упрекает его в персофильстве. Освещение политики Александра I требует более тщательного анализа источников.

В статье «Македония в Пелопоннесской войне»¹⁰ А. С. Шофман характеризует внешнюю политику Македония в первый период войны. Македония пыталась использовать противоречия между греческими полисами в своих интересах. А. С. Шофман подробно прослеживает политику Пердикки по отношению к Афинам и отмечает, что, даже будучи в союзе с ними, Пердикка продолжал интриговать против Афин (стр. 279). Статья «Греко-македонские отношения в конце V в. до н. э.»¹¹, затрагивает целый ряд вопросов: отношения Македония с Афинами после сицилийской катастрофы, привлечение царем Архелаем деятелей культуры Греции, положение македонских племен. Сделаны также беглые замечания об экономическом развитии Македония (например, указывается на расширение торговых связей Македония с Грецией). Статья выиграла бы, если бы в ней был разработан более узкий круг вопросов, особенно, если бы более детально была дана характеристика экономического развития Македония.

Это развитие затрагивается частично в статье Т. В. Пруцакевич «Договор македонского царя Аминты с городами Халкидского союза»¹², в которой на основании анализа текста договора делаются выводы о некоторых сторонах экономического развития Македония в первой четверти IV в. до н. э.

Т. В. Пруцакевич разбирает содержание договора, который представлял собой договор о союзе и торговле (из Македония разрешался вывоз смолы, леса, а также провоз товаров за определенными пошлины), и вопрос об его датировке. Автор предлагает датировать договор 376 г. до н. э., подкрепляя свою точку зрения соображениями исторического порядка. Разбираемый договор был заключен в интересах обеих сторон. Македония была заинтересована в транзитной торговле; в частности, этот договор способствовал оживлению торговых отношений Македония с Афинами. И сам факт торгового соглашения, и существование твердо установленных торговых пошлин может свидетельствовать, как показывает Т. В. Пруцакевич, о значительном развитии торговых отношений в Македония в начале IV в. до н. э.

Характеристику экономического развития Сиракуз V в. до н. э. дает в своей статье Т. Ф. Новикова¹³. Статья состоит из нескольких параграфов, в которых разбираются данные о различных отраслях хозяйства Сиракуз (сельское хозяйство, ремесло, торговля; в последнем параграфе рассматриваются противоречия в экономической жизни Сиракуз в связи с внедрением рабства). В целом Т. Ф. Новикова дает правильную картину высокого экономического развития Сиракуз V в. до н. э. Но, к сожалению, в статье встречается ряд голословных утверждений, не подкрепленных ссылками на источники. Так, на стр. 155 автор говорит, что «в V в. земледелие получило стимул для дальнейшего развития, т. к. в начале века в Сиракузах произошел переход от илотизма к классическому рабовладению. Поработенное первыми переселенцами туземное население превратилось в свободных крестьян-земледельцев». Подобный процесс осво-

¹⁰ УЗ Казанского гос. университета им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 116, кн. 5, 1956, стр. 279 сл.

¹¹ Там же, стр. 285 сл.

¹² УЗ ЛГУ, № 192, серия исторических наук, вып. 21, 1956, стр. 81 сл.

¹³ Т. Ф. Новикова, Экономическое развитие Сиракуз, УЗ Башкирского гос. пед. ин-та, вып. VII, серия исторических наук, № 1, 1956, стр. 152 сл.

бождения туземного зависимого населения, если он действительно имел место, настолько интересен, что на нем следовало бы специально остановиться. Однако Т. Ф. Новикова не приводит данных источников, на основании которых можно судить об изменении в положении зависимого населения. Также не подтверждено ссылками на источники положение о существовании в Сиракузах аренды земли (стр. 164). Небрежное отношение к анализу источников, недостаточная аргументированность положений, характерная и для некоторых других рецензируемых статей, снижает ценность работы Т. Ф. Новиковой, посвященной интересному вопросу.

Немногочисленные статьи по истории эллинизма трактуют, по большей части, проблемы социальной и народно-освободительной борьбы этого периода.

Так, в статье П. Н. Таркова изучается социальная борьба в Спарте в конце III в. до н. э.¹⁴ Автор подробно останавливается на движении в период реформ Агиса и Клеомена, а также на положении в Спарте после разгрома последнего. Целью своей статьи П. Н. Тарков ставит отделение фактической ткани повествования источников от выводов и оценок, продиктованных классовыми умонастроениями античных историков (стр. 81). Автор пытается отделить деятельность народных масс от деятельности царей в ходе реформ. Он высказывает интересную мысль о том, что в то время, как широкие массы боролись за социальное переустройство общества, царь Клеомен стремился превратить Спарту в эллинистическую монархию. Однако целый ряд положений автора вызывает серьезные сомнения. Работа, по признанию самого автора (стр. 80), написана на ограниченном круге источников (Полибий, Плутарх), но некоторые выводы и утверждения статьи не подтверждаются данными использованных источников. Характеризуя положение в Спарте накануне реформ, П. Н. Тарков пишет: «Массы илотовского земледельческого населения были согнаны с земель и лишены каких бы то ни было средств существования» (стр. 67). Источники не дают основания для подобного утверждения. Наоборот, Страбон пишет, что институт илотии существовал вплоть до завоевания Лаконии римлянами (Strabo, VIII, 5,4).

Характеризуя последствия тирании Набиса, П. Н. Тарков говорит, что во время этой тирании был взят курс на полное искоренение рабовладельческих порядков и полную перестройку социальных отношений в стране. Но Полибий, на которого ссылается автор, не дает возможности утверждать сколько-нибудь определенно о каких-то новых социальных отношениях. Он говорит о переделах имущества, об изгнании противников тирании, но в то же время он рассказывает о способах, которыми Набис выманивал деньги у богатых людей (см. Polyb., XIII, 7). Следовательно, продолжала сохраняться и частная собственность и имущественное неравенство.

Вызывают возражения в статье П. Н. Таркова не только некоторые интерпретации источников, но и отдельные общие положения. В начале статьи, разбирая причины кризиса, автор пишет, что «отныне (т. е. в период эллинизма. — И. С.) греческий мир был лишен возможности избавляться от избыточного населения путем принудительной эмиграции в колонии, как это было в доклассическую эпоху» (стр. 65). Но он ничего не говорит о формах «избавления от избыточного населения», характерных для первых веков эллинистического периода: наемничество, многочисленные катекки по всему эллинистическому Востоку. Следовало бы более глубоко и дифференцированно проанализировать социально-экономическую обстановку в Греции, чтобы выяснить причины кризиса, который был характерен не для всех греческих областей. Рассматривая расстановку классовых сил в Спарте, П. Н. Тарков утверждает, что у немущего спартиата было больше общих интересов с бесправным бедняком-илотом, чем с олигархом-спартиатом (стр. 67). Это утверждение кажется нам неверным. Нельзя забывать о той огромной разнице, которая отделяла в сознании людей античного общества свободных от рабов. Интересы обедневших спартиатов и илотов были различны. Первые боролись за возрождение общины равных, за право участвовать в эксплуатации илотов, последние же боролись за свое освобождение. Именно разница в интересах различных

¹⁴ П. Н. Т а р к о в, Социальные движения в Пелопоннесе в конце III в. до н. э., УЗ Моск. гос. библиотечного ин-та, № 2, 1956, стр. 64 сл.

борющихся групп и определяла многие особенности движения в Спарте III в. до н. э. Таким образом, автор статьи не только прослеживает фактическую ткань повествования античных историков, но и дополняет ее своими соображениями, не всегда достаточно убедительными.

М. И. Гусева посвящает свою работу борьбе фракийских племен против македонян¹⁵. В статье наиболее подробно охарактеризована борьба фракийских племен против Лисимаха, в частности борьба его с фракийскими городами. Поражения фракийцев в этой борьбе были обусловлены, по мнению автора, их раздробленностью (стр. 99). Специально останавливается М. И. Гусева на войне македонян с гетами, которая закончилась победой последних. Автор дает краткую характеристику общественного строя гетов. По ее мнению, у них наблюдаются зачатки государственной организации.

Два небольших сообщения о народно-освободительной борьбе в Мидии в период эллинизма опубликовал З. И. Ямпольский в «Докладах Азербайджанской Академии наук»¹⁶. В первом сообщении З. И. Ямпольский разбирает вопрос о сопротивлении мидян наместнику Александра. Он приводит слова Страбона (XI, 13, 1) о том, что Атропат воспрепятствовал подчинению Мидии македонянам. На основании этого свидетельства и косвенных данных Якута Хамави автор делает вывод о том, что «мидяне в соответствии с условиями (соотношение сил) вели патриотическую борьбу против македонских завоевателей». Однако приведенные данные представляются совершенно недостаточными для суждения о характере сопротивления мидян Александру.

Во втором сообщении З. И. Ямпольский рассматривает восстание Молона, селевкидского наместника Мидии. Автор считает, что это движение было не верхушечным столкновением, а освободительным движением мидян против иноземных захватчиков (стр. 766). Данные Полибия, на которого ссылается автор, не говорят достаточно убедительно в пользу такого утверждения. Сам З. И. Ямпольский приводит описание военного совета у Антиоха III, где высказывалось предположение, что при появлении царя Молона будет схвачен самим народом. В другом месте Полибий рассказывает, что Молона подготовил население своей сатрапии к сопротивлению, частично соблазнив его надеждой на добычу, частично запугиванием, так как он предъявлял вождам подложные письма от царя. Из этого отрывка видно, что Молона опирался на вождей племен; о широком же народном движении Полибий не говорит ничего.

Среди статей, посвященных истории эллинизма, выделяется статья И. А. Шишовой «Дура-Европос — крепость Парфянского царства»¹⁷. Статья ставит своей целью дать представление о типичном городе-крепости Парфянского царства на основании материалов, полученных благодаря археологическим раскопкам. Статья начинается с характеристики города в селевкидский период. Дура-Европос под властью Селевкидов должен был контролировать и управлять прилегающими землями, а также контролировать Евфрат и дорогу вдоль него, связывающую Антиохию на Оронте с Селевкией на Тигре. С приходом парфян назначение города не изменилось. Для парфянского периода характерна ориентализация города. Разбирая данные ономастики, автор приходит к выводу, что местное богатое население входило в гражданский коллектив города. Касаясь положения города в системе Парфянского царства, И. А. Шишова, основываясь на факте застройки агоры, высказывает предположение, что роль народного собрания была сведена на нет (стр. 122). Во главе города стояли чиновники, назначавшиеся парфянскими царями. Статья заканчивается краткой характеристикой

¹⁵ М. И. Гусева, Борьба фракийских племен против македонского владычества в конце IV и начале III в. до н. э., УЗ Ивановского гос. вед. ин-та, т. XI, Кафедра всеобщей истории, 1957, стр. 89 сл.

¹⁶ З. И. Ямпольский, Несколько слов о борьбе мидян против Александра Македонского и его преемников, «Доклады АН АзССР», т. X, № 5, 1954, стр. 370 сл.; о н же, К истории Атропатены, «Доклады АН АзССР», т. XII, № 10, стр. 763 сл., резюме на русск. яз., стр. 766.

¹⁷ УЗ ЛГУ, № 192, серия исторических наук, вып. 21, 1956, стр. 107 сл.

судьбы города в римское время (главное назначение Дуры при римлянах — военная крепость) вплоть до разрушения персами в III в. н. э.

А. С. Шофман опубликовал большую статью, посвященную историографии Македонии¹⁸. Статья делится на три главы: «Буржуазная историография о древней Македонии», «Русская историография о древней Македонии» и «Советские историки о древней Македонии». Разбирая работы буржуазных историков, автор отмечает, что у них не нашел разрешения вопрос о македонском этногенезе, о возникновении македонского государства. Завоевания Филиппа и политика Демосфена рассматривались вне связи с рождением македонской государственности; эпоха Александра освещалась только с двух точек зрения: психологической и военной. Существенным недостатком этой главы является то, что в ней совсем не выделены прогрессивные тенденции в западно-европейской историографии. А. С. Шофман совершенно не затрагивает работ западно-европейских историков последних лет. Во 2-й главе подчеркиваются преимущественно положительные черты русской дореволюционной историографии, хотя автор указывает также и на буржуазную ограниченность взглядов русских историков. В этой главе разбираются произведения Грановского, Бабста, Кудрявцева, Ешевского, Цыха, Куторги, Стасюлевича, Астафьева, Васильевского, Мищенко, Бузескула, Хвостова. В третьей главе дается характеристика работ советских историков, касающихся Македонии, в хронологическом порядке (рассматриваются работы Жебелева, Бергера, Сергеева, Удальцова, Шмидт, Тюменева, Баженова, Ковалева, Мишулина). В конце статьи А. С. Шофман дает краткую характеристику взглядов современных болгарских историков.

В статье Ю. Мадиссона «Молодой Куторга»¹⁹, написанной на основании изучения архивных материалов, дается характеристика развития молодого Куторги как ученого в период пребывания его в Профессорском институте в Тарту и заграничной командировке. Статья эта интересна тем, что в ней не только прослеживается формирование Куторги как ученого, но и тем, что в статье широко характеризуется обстановка в Профессорском институте при Дерптском университете перед поступлением туда Куторги в 1828 г. и состояние преподавания классической филологии (стр. 11 сл.). В статье выявляются новые данные биографии Куторги. В частности, автор точно устанавливает, где именно работал и жил Куторга во время заграничной командировки.

Разбор эпиграфических работ С. А. Жебелева делает Н. П. Шкляев²⁰. В его статье дается общая характеристика работ академика Жебелева и рассматриваются следующие его статьи: «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре», «Херсонесская присяга», «Ольвия и Митридат Евпатор», «Что понимать под Борисфеном». В статье, в основном, анализируется метод С. А. Жебелева как эпиграфиста.

В ученых записках Ярославского педагогического института помещены отчеты А. С. Башкирова о раскопках Патрэя в 1949—1951 гг.²¹ Отчеты даются по годам. Среди открытого в Патрэе материала есть относящийся к классическому и эллинистическому периодам. В отчете о раскопках 1950 г. А. С. Башкиров описывает памятники акрополя, в том числе «большую стену», которая, вероятно, была стеной какого-то общественного сооружения; автор датирует ее V—IV вв. до н. э. (стр. 357). Интересно описание пожара акрополя, бывшего в I в. до н. э. Этот пожар А. С. Башкиров связывает с военными действиями карательных отрядов Фарнака, пытавшегося установить свою власть на Боспоре Киммерийском. Нам кажется, что статья значительно выигра-

¹⁸ А. С. Ш о ф м а н, Основные проблемы истории античной Македонии в историографии, УЗ Казанского гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 114, кн. 5, 1954, стр. 149 сл.

¹⁹ Ю. М а д и с с о н, Молодой Куторга (к вопросу о возникновении русской исторической науки об античности), «Труды историко-филологического ф-та Тартуского гос. ун-та», вып. 43, 1956, стр. 3 сл.

²⁰ Н. П. Ш к л я е в, Академик С. А. Жебелев как эпиграфист в трудах по истории Северного Причерноморья, УЗ Казанского гос. ун-та, т. 114, кн. 5, 1954, стр. 219 сл.

²¹ А. С. Б а ш к и р о в, Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове 1949—1951 гг., УЗ Ярославского пед. ин-та, вып. XXII, 1957, стр. 311 сл.

ла бы, если бы описание велось не по годам, а по комплексам памятников, с выделением определенных хронологических периодов. В этом случае можно было бы составить более определенное представление о Патрее и сделать более широкие исторические выводы.

В изданиях педагогических институтов и университетов за последние годы появился ряд статей по классической филологии. В Ученых записках Моск. гос. пед. института им. В. И. Ленина опубликована большая работа А. Ф. Лосева «Эстетическая терминология ранней греческой литературы»²², которая, по существу, является монографией и требует специальной рецензии. В том же томе помещена еще одна работа А. Ф. Лосева «Гесиод и мифология» (стр. 263 сл.), где разбираются основные черты мифологической картины, которую изображает Гесиод, мифологический метод его мышления и способы изложения мифологии. Там же (стр. 3 сл.) напечатана статья Н. А. Тимофеевой «Пушкин и античность», в которой автор рассматривает отношение Пушкина к античной литературе на разных этапах его творчества, использование им образов, связанных с античной культурой, отдельные переводы греческих и римских поэтов.

В интересной статье Б. В. Казанского характеризуется общественно-историческая обстановка возникновения драмы²³. Статья начинается с анализа происхождения культа Диониса. Б. В. Казанский подчеркивает демократичность этого культа. По его мнению, культовые содружества — фасы имели большое общественно-политическое значение для сплочения прогрессивных сил в период борьбы против родового строя (стр. 8). Рассматривая обстановку учреждения культа Диониса в Афинах, автор приходит к выводу, что все мероприятия Писистрата, касающиеся этого культа, были чисто политическими и должны были снять ему популярность у народа. Автор подробно останавливается на путях возникновения трагедии из Дионисий. По его мнению, она возникла из сатирического действия (стр. 14 сл.). Первоначальные выступления трагедов носили веселый характер. Само это слово, вероятно, было культовым названием участников дионисовского хора. Б. В. Казанский предполагает, что слово «козел» в этом словосочетании означает название пляски-игры. Оформление же трагедии как жанра связано со становлением демократической республики. По словам автора, «драматические представления надо было поднять на высоту всенародного патристического зрелища, больше того — на уровень общественного сознания новых Афин» (стр. 18).

Н. С. Гринбаум в небольшой статье «К оценке творчества Алкея»²⁴ ставит вопрос о политической направленности стихов Алкея. Он утверждает, что стихи Алкея — «явление политической жизни и политической жизнью они рождены» (стр. 232). Творчество Алкея, по мнению автора, отражает борьбу Lesbosской аристократии VI в. до н. э. против поднимающегося к власти городского демоса.

В другой статье Н. С. Гринбаум разбирает высказывания Маркса и Энгельса об античной культуре²⁵.

Статья Н. Л. Сахарного «Искусство Гомера»²⁶ посвящена анализу художественных приемов последнего. Автор разбирает гомеровское искусство изображения личности, останавливается на том, какими средствами достигается верность характеристик, каким путем проявляется в поэмах заинтересованность автора.

Подводя итог нашему обзору, мы можем отметить появление в Ученых записках университетов и пединститутов ряда интересных, ценных исследований по различным вопросам истории Греции и эллинизма. Однако, наряду с глубокими исследовательскими работами, встречаются статьи поверхностные, не вносящие ничего нового в науку.

²² УЗ Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, т. XXXIII, кафедра классической филологии, вып. 4, 1954, стр. 37 сл.

²³ Б. В. К а з а н с к и й, Общественно-историческая обстановка возникновения драмы, УЗ ЛГУ, № 192, серия исторических наук, вып. 21, 1956, стр. 3 сл.

²⁴ УЗ Кишиневского гос. пед. ин-та, т. IV, 1955, стр. 227 сл.

²⁵ Н. С. Г р и н б а у м, К вопросу об отношении Маркса и Энгельса к античной культуре, там же, стр. 47 сл.

²⁶ «Сб. трудов Архангельского гос. пед. ин-та», вып. 1, 1956, стр. 85 сл.

Характерными недостатками многих работ, опубликованных в изданиях периферийных ВУЗ'ов, являются слабое использование новой исторической литературы и ограниченность круга источников, на которые опираются авторы. В частности, мало используются эпиграфические и папирологические материалы.

И. С. Свенцицкая

П. КАРЫШКОВСКИЙ, Восстание Спартака, Госполитиздат, 1956, 63 стр., тираж 100 000 экз., цена 70 коп.

Создание популярных работ по наиболее важным проблемам древней истории, несомненно, является одной из актуальных задач советских историков античности. В этой связи представляет интерес брошюра П. Карышковского «Восстание Спартака», посвященная одному из наиболее ярких событий в истории древнего мира.

Рецензируемая работа состоит из четырех частей: введения, обзора социально-экономического строя Римской республики I в. до н. э., изложения основных этапов восстания рабов и заключения. Такой план научно-популярной брошюры, объемом менее трех печатных листов, рассчитанной на широкий круг читателей, по нашему мнению, является вполне оправданным.

Автор поступил правильно, познакомив вначале читателя с экономикой Римской республики, политическим строем, классовым составом общества, агрессивными войнами, которые вел Рим на западе и на востоке.

Вторую главу П. Карышковский, за исключением первых пяти страниц, где он рассматривает историю и характер гладиаторских боев в Риме, посвящает изложению основных этапов спартаковского восстания. Работа завершается заключением, в котором автор кратко говорит об историческом значении спартаковского восстания.

Автор убедительно показал своеобразие восстания рабов под руководством Спартака, его отличие от массовых восстаний рабов в Сицилии. В брошюре правильно отмечено, что после поражения восстания сложились более благоприятные условия для возникновения и распространения среди угнетенных масс, в частности среди рабов, новой религии — христианства. Автор широко использовал высказывания К. Маркса и В. И. Ленина о восстании рабов и личности их руководителя. Брошюра написана хорошим языком, в отдельных местах очень ярким и эмоциональным. Оживляют текст многочисленные иллюстрации, помещенные в книгу.

К сожалению, в рецензируемой брошюре имеются, по нашему мнению, серьезные недостатки и ряд мелких упущений. Прежде всего, вызывает возражение распределение материала между отдельными главами. Основному вопросу — восстанию рабов под предводительством Спартака — автор отводит лишь 21 страницу из 63, то есть третью часть. Автору следовало бы хоть вкратце дать критику реакционной буржуазной историографии и отметить заслуги советских ученых в изучении спартаковского восстания. Ничего не сказано о кризисе римской демократии и о люмпен-пролетариате, игравшем в то время большую роль среди городского плебса.

На стр. 24 автор замечает, что: «очень трудно было преодолеть противоречия интересов между самими рабами...». Однако этот вопрос не рассмотрен в брошюре всесторонне. Вряд ли можно сводить дело лишь к разногласиям, возникшим на почве этнической разобщенности. Возможность возникновения разногласий была обусловлена прежде всего самим характером восстания рабов, его стихийностью и крайне слабой организованностью. Были разногласия и среди различных категорий рабов, например, между домашней челядью крупных рабовладельцев и рабами, работавшими в производстве, между рабами интеллигентных профессий и рабами-чернорабочими.

В брошюре также неоднократно подчеркивается отсутствие союза между рабами и свободной беднотой. Этот вопрос следовало бы осветить глубже, показав, что союза